

Живет в Архангельске (Россия).

РЕКИ

Северная Двина

Берега высоки над реки незатянутой раной.
Фонари озаряют пространство то скупое, то странно,
И горят на холме купола православного храма,
Но дорога до храма закручена рогом барана.

Я вернулся сюда по воде – не сказать, чтоб случайно:
Не был голоден и не устал, но зачем-то причалил
И встречаю рассвет у татарской заплаканной вербы.
Колдовская трава шелестит под языческим ветром,

Робко дующим на молоко над парною рекою.
У травы имена: базилик, резеда и левкой,
Мне знакомые с детства, которое рядышком где-то:
закатилось за годы серебряной мелкой монетой.

Я вернулся туда, где оставил себя слишком много:

Белый холм, белый храм, чуть заметная к храму дорога,
И гляжу сквозь туман над рекой – чтобы через года мне
На своем берегу догадаться о берегу дальнем.

Нева

Над окольцованной мостами
Рекою – дымка столь густая,
Что чуть видны при полном штиле
Стальные иглы узких шпилей.

Ни шума, ни ажурной пены.
Вода неспешно и степенно
Береговой гранит ласкает,
Из века в век перетекая.

И где-то на излете взгляда
Приходит северной наядой
В объятья Финского залива -
По-прежнему неторопливо.

И я, неспешен и вальяжен,
Гляжу в часы четвертой стражи
Со дна оконного колодца
Как по реке, встречая солнце,

Забыв, что лед давно растаял,
Летит в рассвет собачья стая,
Перегружая лаем ветер -
И растворяется в рассвете.

Миссиссипи

Погашены больничные огни.
Палата и безвидна, и пуста,
Сестренка – вот нечаянная милость -
Разглаживая складки простыни,
Вдруг замурлычет Funny Valentine,
Напоминая, как все это было.

А было просто: мир съедала ржа.
Качаясь на ухабах и дрожа,
Тащился между Флоридой и Ютой
Унылых нот разбитый дилижанс.
Тогда Господь сказал: да будет Джаз!
И стало Джаз. И это было круто,

Причем весьма. Тебе был каждый - брат,
Евклиду благодарный за квадрат,
Любой танцпол предпочитавший рингу.
И ты считал, что звукам нет преград,
Что счастье есть возможность поиграть,
А жизнь – еще один синоним свинга.

И ты был прав – как, впрочем, и всегда.
Что ты годам и что тебе года?
Но если ты сорвешься в небо птицей -
То, значит, нужен Господу чудака,
На медных трубах страшного суда
Готовый отыграть без репетиций.

